

Литературное наследство

Выпуск 25–26

УДК 82
ББК 83
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 25–26 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 704 с.

ISBN 978-5-458-53192-4

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивного забвения и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53192-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

а также неизданная переписка Пыпиных, представляются редакции не лишены интереса.

То же самое можно сказать о печатаемых здесь новых текстах представителей революционно-демократической поэзии тех лет: Серно-Соловьевича, Гольц-Миллера, Щиголева и др. Значительный интерес представляет статья Шелгунова о «добролюбовском» и «писаревском» направлениях в общественном сознании 60-х гг.

Статья Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» представляет собою один из наиболее развернутых откликов, вызванных романом в редакционно-крепостническом лагере. В этом смысле статья известным образом перекликается с материалом, собранным в печатающемся здесь же исследовании Берлинера о литературных противниках Добролюбова. Сотрудничество в фетовской статье Боткина, устанавливаемое комментатором, еще раз наглядно демонстрирует единение крепостников с либералами в борьбе против общего врага — революционной демократии.

Разнообразный материал сосредоточен в последнем разделе сборника. Здесь особенно следовало бы выделить публикации, связанные с именем Писарева: новые его эпистолярные тексты, а также — новые материалы, относящиеся ко времени его заключения в Петропавловской крепости.

В заключение, редакция выражает надежду, что при всем богатстве литературы, посвященной революционно-демократической мысли 60-х гг., настоящий том займет в ней свое место.

Ближайшее участие в организационной работе по сборнику и в редактировании материалов принимал Б. П. Козьмин.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ В ОЦЕНКЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА- ЛЕНИНИЗМА

Статья А. Нифонтова

Среди многочисленных и разнообразных по своему содержанию трудов основоположников марксизма-ленинизма мы не имеем ни одной работы, специально посвященной Н. А. Добролюбову. Но наряду с этим и в работах, предназначенных для печати (и опубликованных), и в частной переписке, наконец, и в личных заметках и рабочих записях Маркса, Энгельса и Ленина имя Добролюбова упоминается неоднократно. Эти тексты не дают развернутой характеристики Добролюбова, как правило, очень лаконичны, встречаются довольно редко и при сплошном чтении их в контексте обычно играют подсобную роль — служа примерами и аналогиями для уяснения основной мысли авторов. При внимательном ознакомлении с этими текстами становится совершенно ясно, что яркая фигура ближайшего соратника Н. Г. Чернышевского не только привлекала пристальное внимание Маркса, Энгельса и Ленина, не только им была хорошо известна, но получила в их работах меткую и четкую характеристику, основанную на внимательном изучении произведений и всей деятельности Н. А. Добролюбова.

I

Маркс и Энгельс имели возможность познакомиться с произведениями Добролюбова в оригинале, так как изучали русский язык и в подлиннике читали русские книги, посылаемые им из России. На этом вопросе следует несколько задержаться, так как, помимо непосредственного отношения к рассматриваемой нами проблеме, он несомненно имеет самостоятельный интерес.

Исключительные лингвистические способности Маркса и Энгельса общеизвестны. Но и при таких способностях совершенно поразительны их успехи в овладении русским языком, столь отличным от других европейских языков и являющимся для иностранцев особенно трудным.

Изучать русский язык Энгельс начал раньше Маркса — в 1854—1856 гг., в связи с Крымской войной. Однако, к концу 60-х годов, очевидно благодаря отсутствию постоянной практики, приобретенные в этой области знания он в значительной мере утратил, в чем откровенно признавался в переписке с Марксом (см. его письма к Марксу от 23 января 1868 г. и от 3 марта 1869 г.)¹. Энгельс возобновил свои занятия по русскому языку в середине 70-х годов, что оказалось необходимым при работе над статьями «Об эмигрантской литературе» (для «Volksstaat'a»). К этому времени Маркс уже изучил русский язык и у него, как и у Энгельса, установились прочные связи с рядом русских революционеров и ученых, снабжавших их, как увидим дальше, русскими изданиями не только по экономике, но и по самым разнообраз-

ным вопросам. Все это несомненно давало Энгельсу постоянную практику по русскому языку.

Изучение русского языка Марксом относится к самому концу 1869 г. и к началу 1870 г. После выхода в свет I тома «Капитала» (в 1867 г.) Маркс усиленно работал над подготовкой к печати II тома, который по первоначальному замыслу должен был охватить и процесс обращения капитала и характеристику процесса капиталистического производства в целом,—разбивка этих вопросов на два самостоятельных тома (второй и третий) произведена позднее, после смерти Маркса.

Работая над теорией земельной ренты, Маркс естественно особый интерес проявлял к аграрному вопросу, предприняв и в этой области самостоятельные исследования. Занятия аграрным вопросом заставили его обратить внимание на историю и современное положение Ирландии и России, а углубленное изучение обильных материалов на многие годы задержало окончание подготовки к печати II тома «Капитала» и сделало необходимым изучение русского языка. По этому вопросу мы имеем свидетельство самого Маркса—в письме его к Л. Кугельману от 27 июня 1870 г.: «Что касается настоящих требований Майснера по поводу II тома, то не одна только моя болезнь мешала его окончанию в течение всей зимы. Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточнику русские отношения земельной собственности»².

Непосредственным толчком для занятий русским языком послужило получение Марксом из России работы Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (изд. Полякова, СПб. 1869 г.). Эта книга не могла не заинтересовать Маркса, и 23 октября 1869 г. он пишет Энгельсу: «Из Петербурга мне прислали том Флеровского в 500 страниц, о положении русских крестьян и рабочих. К сожалению, по-русски. Человек этот работал над книгой 15 лет»³. Таким образом Маркс в это время русским языком еще не владел.

Но, как мы уже указали, к концу 1869 г. у Маркса назрела потребность самостоятельно разбираться в подлинниках русских изданий и он, отказавшись от посредничества Энгельса и Боркгейма, которые, обычно в форме конспективных переводов, знакомили его с русскими изданиями, принимается за изучение русского языка в ноябре того же года. В письме от 29 ноября к Кугельману Маркс мельком замечает: «Я кроме того начал изучать русский язык ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России»⁴. А 17 января 1870 г. жена Маркса писала Энгельсу, что Маркс «стал с пылом и жаром изучать русский язык»⁵.

Изучение русского языка Маркс начал с чтения «Тюрьмы и ссылки» Герцена. Сохранившиеся экземпляры первых прочитанных Марксом книг носят следы тех приемов, к которым он прибегал при своих занятиях неизвестным ему языком. Вот как об этом пишет В. Зензинов, разбиравший русские книги из библиотеки Маркса в 1900—1901 гг.:

«...Маркс изучал русский язык —методом, который я встретил только здесь и который сам я по этому примеру позднее успешно применял при изучении иностранных языков. А именно: встречая незнакомое слово, Маркс ставил над ним цифру и значение этого слова выписывал здесь же на полях под соответствующими цифрами по-немецки. Этим соблюдалась экономия в выписывании слов в отдельную тетрадку, и, кроме того, при вторичном просмотре легче было из общей связи фразы догадаться и запомнить смысл каждого выписанного слова. Благодаря такому способу многие русские книги, которые читал Маркс, были испещрены на полях сплошной сеткой выписанных слов. Толстая книга Флеровского была вся таким образом про-

работана Марксом. Но, как я выше сказал, Маркс очень охотно вообще делал примечания на полях и по существу прочитанного, при чем припоминаю, что нередко эти примечания носили чрезвычайно резкий и язвительный характер. Я уже тогда обратил внимание на особенность книг, которыми Маркс пользовался, — видно было, что книг, над которыми Маркс работал, он не жалел, оставляя на них крепкую печать своей работы»⁶.

Чтение книги Герцена было закончено 9 января, о чем свидетельствует пометка, сделанная рукой Маркса в конце ее⁷. Очевидно непосредственно после этого Маркс принялся за чтение упомянутой выше книги Флеровского. 10 февраля он писал Энгельсу: «Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани)»⁸. По-видимому, уже к 24 марта чтение книги было закончено, — в письме к русской секции Интернационала от 24 марта 1870 г. Маркс о труде Флеровского пишет, как о прочитанном⁹.

Таким образом усилия Маркса увенчались полным успехом, — буквально в течение 3—4 месяцев он смог овладеть русским языком и с середины 1870 г. имел полную возможность в оригинале читать русские издания.

В начале 70-х годов крепнут личные связи Маркса с русскими, которые присылают ему в изобилии русскую литературу, — Маркс имел постоянную практику, закрепляющую приобретенные познания, и действительно компетентных лиц в знании нового для него языка¹⁰.

Достаточно напомнить, что с 1870 г. в Лондоне поселился Г. А. Лопатин, предпринявший перевод «Капитала» на русский язык и часто встречавшийся с Марксом. В том же 1870 г. эмигрировал за границу (бежав из ссылки) и П. А. Лавров, примкнувший к Интернационалу. В начале того же года Маркс принял предложение быть представителем в Интернационале от русской колонии в Женеве, о чем 24 марта 1870 г. писал Энгельсу¹¹.

С начала 70-х годов оживляется переписка Маркса с Даниэльсоном¹² и около середины 70-х годов устанавливается знакомство с М. М. Ковалевским, находившимся с 1872 по 1879 г. за границей.

Как видим, все эти личные связи Маркса с новым поколением русских — с эмигрантами-революционерами и литераторами в первую очередь — завязываются с начала 70-х годов, т. е. как раз в то время, когда Маркс, овладев русским языком, имел возможность широко ознакомиться как с современным положением России, так и с ее историей.

Неудивительно поэтому, что к этому же периоду относится уточнение Марксом и Энгельсом оценки русских. Широко известна следующая характеристика русских, данная Марксом в его письме к Кугельману от 12 октября 1868 г.

«Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет беспрерывно боролся, и не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими «доброжелателями». В 1843—1844 гг. в Париже, тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашло такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский. Но этому не следует придавать большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодяями»¹³.

Эта отрицательная характеристика была выводом из личного знакомства Маркса с теми представителями русской интеллигенции, которых он

встречал в течение 40-х и 50-х годов. Все они вышли из рядов дворянства. Только в начале 70-х годов Маркс и Энгельс познакомились с представителями другого типа русских интеллигентов.

14 июня 1872 г. Энгельс писал И. Беккеру: «Русское издание [«Капитал». — А. Н.] уже вышло и оказалось очень удачным. Что касается русских вообще, то между приехавшими в Европу еще раньше русскими дворянами-аристократами, к которым принадлежат Герцен и Бакунин и которые все жулики, и теми русскими — выходцами из народа, которые приезжают теперь, — разница огромная. Среди них есть люди, которые по своим способностям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; люди, у которых выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны»¹⁴. К этой характеристике нам в дальнейшем придется еще раз вернуться.

«Русские друзья», как их не раз именуют в переписке Маркс и Энгельс, с 1870 г. начинают в изобилии снабжать последних русскими изданиями. Русские книги по самым разнообразным вопросам посылали Марксу и Энгельсу многие лица и прежде всего П. Л. Лавров, Н. И. Утин, Г. А. Лопатин, М. М. Ковалевский, Н. Даниельсон и др. Письма Маркса к названным лицам в 70-х годах пестрят упоминаниями о полученных им изданиях, при чем в ряде случаев речь идет о целых партиях книг¹⁵.

На Энгельса и в первую очередь на Маркса с начала 70-х годов обрушился целый поток русских изданий, едва только стало известно, что эти издания доступны основоположникам марксизма в оригинале. Нет ничего удивительного в том, что отдел русских книг в библиотеке Маркса насчитывал не одну тысячу томов¹⁶.

Неудивительно также то, что среди этих книг имелись и сочинения Добролюбова. Во-первых, отдельные статьи его могли оказаться в тех же томах «Современника», о которых упоминает Зензинов, а во-вторых, мы имеем прямые указания, что в библиотеке Маркса был экземпляр, а вероятнее всего и не один, а два экземпляра собрания сочинений Добролюбова. Последнее подтверждается прямым указанием Маркса в письме его к Даниельсону от 9 ноября 1871 г., где Маркс благодарит за присылку сочинений Добролюбова: «Горячо благодарю Вас за проявленное Вами по отношению ко мне участие. С сочинениями Эрлиба [т. е. Добролюбова, — по конспиративным соображениям в письме, направляемом в Россию, Маркс дает его фамилию по-немецки — *Erlieb*. — А. Н.] я отчасти уже знаком»¹⁷. Кроме того в числе русских книг из библиотеки Маркса, хранящихся в архиве «*Vorwärts'a*», Ф. Гинзбург упоминает несколько томов собрания сочинений Н. А. Добролюбова (изд. 1862 г.) с пометками рукой Маркса в тексте некоторых статей¹⁸.

Таким образом можно считать установленным, что с сочинениями Добролюбова Маркс познакомился вскоре после изучения им русского языка. Пометки рукой Маркса в тексте описанного исследователем экземпляра сочинений Добролюбова, находившегося в архиве «*Vorwärts'a*», имеются только в первом томе и то лишь в отдельных статьях¹⁹. Повидимому, впервые Маркс читал другой экземпляр сочинений Добролюбова, до нас не дошедший, а описанные книги являются как раз теми, которые были присланы Даниельсоном. Всего нам известно три случая упоминания имени Добролюбова в сочинениях Маркса и Энгельса: один из них принадлежит Марксу (в цитированном письме к Даниельсону от 9 ноября 1871 г.) и два Энгельсу — в одной из статей «Об эмигрантской литературе», опубликованной в газете «*Der Volksstat*» (№ 118 за 1874 г.) и в письме к Е. Паприц от 26 июня 1884 г.). Следовательно, все случаи упоминания имени Добролюбова в сочинениях основоположников научного социализма относятся к тому времени, когда они уже имели полную возможность ознакомиться с его сочинениями, когда они установили личные связи с новым поколением революционеров-эмигрантов из

России, получивших хвалебную характеристику Энгельса, и, наконец, когда они имели ясное представление о современном положении в России и ее недавнем прошлом из обильного печатного материала (в том числе и из нелегальных изданий), доступного им в оригинале.

Обратимся к рассмотрению текстов Маркса и Энгельса, содержащих упоминание имени Добролюбова. В одном из писем к Марксу, направляя ему сочинения Добролюбова, Даниельсон писал: «На днях я послал вам произведения одного из лучших русских публицистов и критиков — Добролюбова. В часы отдыха они доставят вам настоящее наслаждение. Надо заметить, что автор умер очень молодым: ему было только двадцать пять лет. Он был другом автора «On Mill's Pol. Economy»²⁰. В ответе на это письмо Маркс 9 ноября 1871 г. благодарит Даниельсона за присланные книги и добавляет при этом: «С сочинениями Эрлиба я отчасти уже знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро»²¹.

Одна из статей Энгельса «Об эмигрантской литературе» (третья по порядку в этой серии), опубликованная в конце 1874 г., в той части, которая содержит упоминание имени Добролюбова, посвящена разбору примиренческой позиции редактируемого П. Л. Лавровым обзора «Вперед» в борьбе бакунистов с вождями Интернационала. Указывая, что решение Гаагского конгресса об исключении бакунистов из Интернационала тактически и принципиально было вполне обосновано и что неизбежно было опубликование «грязной стороны русского движения», Энгельс заканчивает: «Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им»²².

Упоминание имени Добролюбова в письме Энгельса к Е. Паприц, датированном 26 июня 1884 г., наименее известно, так как текст письма впервые опубликован лишь в конце 1935 г. На этом документе следует задержаться подробнее, приведя текст его, и связанных с ним материалов, полностью и попытаюсь установить, кто был адресатом Энгельса²³.

В архиве Энгельса было обнаружено письмо Е. Паприц, послужившее поводом для ответного письма Энгельса от 26 июня 1884 г. Привожу текст его полностью²⁴.

31, Bedford Place, Russel Square
26 июня 1884 г.

Многоуважаемый г. Энгельс!

Я позволяю себе обратиться к вам с просьбой о совете, в надежде, что он, несомненно, будет лучшим из всех, которые могут быть мне даны по интересующему меня вопросу.

Существует достаточно широко распространенное мнение, что русские социалисты лучше всех других подготовлены для революции. Мне кажется, что этот взгляд верен только наполовину. Репрессии вызывают у них большую силу сопротивления, быть может увеличивают энергию. Но, с другой

стороны, русские являются невеждами в общественных делах. В случае революции, русские социалисты не будут знать, что делать со своей победой, они ее потеряют, потому что у них нет прочных принципов, организации, настоящих научных знаний (некоторые счастливые исключения имеются). Если бы вы могли познакомиться с социалистическими брошюрами, которые распространяются среди русской молодежи, я уверена, вы согласились бы со мной. Они продиктованы чувствами, а не идеями, не знанием. Они возбуждают революционное чувство, но не дают глубокого понимания. Возможно, что почва для революции в России подготовлена, но разве может быть хорошей жатва, если плохи семена?

Именно с этой целью, — с целью распространения в русском обществе идей научного социализма, — в Москве предпринято издание литографированного журнала (печатать, к несчастью, невозможно) «Социальное знание» («La Science Sociale»). Программа включает переводы работ о научном социализме.

Не будете ли вы так добры перечислить те из мало известных статей ваших и Маркса, которые были опубликованы в журналах. За исключением «Проложения рабочего класса в Англии», «Жилищного вопроса», «Социализма научного и утопического» ничего не переведено. Теперь я перевожу «Очерки критики политической экономии». Я очень хотела бы иметь последний манифест к английским рабочим, но не могу его найти. Не будете ли вы так добры дать мне указания, где его можно найти в Лондоне, а также, где можно было бы купить «Анти-Дюринга».

Я вас прошу, не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим серьезно учиться, убежденные, что невежество не может привести ни к чему хорошему и что только наука может осветить нашу дорогу.

Всегда готовая к вашим услугам

Евгения Паприц
(Eugénie Paprietz)

На это письмо, дошедшее до Энгельса в тот же день, Энгельс сразу же написал следующий ответ ²⁶.

Лондон, 26 июня 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Сударыня!

Про литографированную газету, о которой Вы говорите, я уже слышал, хотя мне не удалось еще увидеть ни одного экземпляра.

Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы наверное знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски многие из наших работ, а вскоре будут переведены и напечатаны еще некоторые, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., «Наемный труд

и капитал» [заглавие написано Энгельсом по-русски. — А. Н.], тоже принадлежит к этой серии и напечатана под этим заглавием.

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Очерки [критики политической экономии]». Хотя я еще немножко горжусь этой своей первой работой в области социальных наук, я очень хорошо знаю, что теперь она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и грубых промахов («boulettes»). Боюсь, что она принесла бы больше вреда, чем пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр «Анти-Дюринга».

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь было бы трудно разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставленных Марксом, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к английским рабочим Вы говорите. Может быть Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции», манифест Интернационала по поводу Парижской коммуны? Могу его Вам послать.

Если бы здоровье мне позволяло, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя дома я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда в Вашем распоряжении около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении

Ф. Энгельс

Наводящую нить для установления того, кто такая была Евгения Паприц, дает юбилейный сборник статей, посвященный 50-летию «Русских Ведомостей»²⁶. В этом сборнике, в алфавитном списке сотрудников газеты за период в 50 лет, указана Линева, Евгения Эдуардовна, урожденная Паприц, занимавшаяся исследованием русской музыки и давшая несколько статей («Жива ли народная песня», «Народная консерватория») для «Русских Ведомостей».

Собранный в специальных справочниках материал и полученные сведения от лиц, лично знавших Е. Э. Линева, дают возможность восстановить основные контуры интересующей нас биографии²⁷.

Е. Э. Линева (урожденная Паприц) родилась 28 декабря 1853 г. в Брест-Литовске в семье преподавателя кадетского корпуса. Семья Паприц впоследствии переехала на постоянное жительство в Москву, где Евгения Эдуардовна училась в Екатерининском институте. Проявляя с детства большие музыкальные способности (14 лет Е. Паприц дирижировала хором), она получила законченное музыкальное образование, обучаясь пению сначала у матери (ученицы Глинки), а затем в Петербургской консерватории (по классу Росси) и в Вене (у Маркези). Вначале Е. Э. Паприц выступала как концертная и оперная певица в ряде иностранных городов (Вена, Лондон и др.), а в 1882—1883 гг. пела в оперной труппе Большого театра в Москве.

Очевидно около 1883 г., оставив сцену, Е. Паприц уехала за границу, где вышла замуж за инженера Александра Лонгиновича Линева, эмигранта 70-х годов, сотрудника «Вперед» П. Л. Лаврова. Отказавшись от оперной карьеры, она посвятила себя изучению, собиранию и исполнению народных песен, и ряд лет (до 1897 г.) жила за границей. Позднее, в 1891 г., она организовала в Америке из эмигрантов большой хор по исполнению русских песен, с которыми успешно выступала во многих крупных американских городах (Нью-Йорк, Чикаго и др.).

Вернувшись из-за границы в 1897 г. в Москву, Е. Э. Линева организовала хор, ряд лет с успехом исполнявший народные песни. К этому периоду относятся ежегодные экскурсии Е. Э. Линевой в глухие места Поволжья, Севера, Украины и др. для записи народных песен, при чем ею впервые был с успехом применен фонограф. В результате многолетней работы было собрано значительное количество народных песен, впоследствии опубликованных Линевой в издании Академии Наук (всего было выпущено 3 сборника: «Великорусские песни» — 1904 г., «Новгородские песни» — 1909 г. и «Украинские песни» — ок. 1910—1911 гг.). Одновременно с этим с начала XX в. Е. Э. Линева состояла секретарем музыкальной комиссии при Московском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1905—1906 гг. по инициативе Е. Э. Линевой открыта была в Москве Народная консерватория (см. статью Линевой «Народная консерватория» в № 259 «Русских Ведомостей» за 1905 г.) Организованная на общедоступных началах (при годовой плате за обучение в размере 3 руб.), при участии среди преподавателей Энгеля, Танеева, Брюсовой, Яворского, Гречанинова и др. Народная консерватория пользовалась большой популярностью и количество учащихся исчислялось в ней сотнями (по составу это были мелкие служащие, учащиеся, в некоторых районах рабочие, например печатники в районе Тверской улицы). Занятия производились в 10 районных базах, в помещении школ. Постоянным членом бюро, руководившим работой консерватории, являлась Е. Э. Линева. Народная консерватория просуществовала до передачи ее в ведение МУЗО Наркомпроса и выпустила ряд законченных музыкантов.

Е. Э. Линева умерла в первых числах января 1919 г.

Никаких прямых указаний на связь Е. Э. Линевой с революционными организациями 80-х годов и на обстоятельства, толкнувшие ее обратиться с письмом к Энгельсу, мы не имеем. Однако целый ряд косвенных данных дают нам возможность подтвердить предположение Б. Николаевского о составе издательской группы в Москве и участии в ней Линевой²⁸.

Б. Николаевский предполагает, что поскольку, судя по фамилии (Паприц), адресатка Энгельса является полькой или литовкой, ее коллег по издательской группе следует искать среди польских и литовских социалистов, живших в начале 80-х годов в Москве. Наиболее вероятными соучастниками Е. Паприц по издательской деятельности он считает Людвиг Яновича (студент Петровской сельскохозяйственной академии) и Болеслава Малиновского (воспитанник технического училища). И Янович и Малиновский уже в те годы связаны были с польским «Пролетариатом», — через них «Общестуденческий союз» получал литературу «Пролетариата». Кроме того Янович всегда обнаруживал интерес к европейскому рабочему движению и тяготение к научному социализму, но несмотря на это в 1884 г. примкнул к «Народной воле». Что же касается участия в революционном движении Е. Паприц-Линевой, то, не ставя под сомнение искренность сочувствия ее революционному движению, тот же автор отмечает, что адресатка Энгельса «не сливается целиком с русскими революционерами, смотрит на них в известных пределах со стороны».

Правильность этих предположений подтверждается целым рядом обстоятельств. Популярность Е. Паприц-Линевой среди московского студенчества засвидетельствована лично знавшими ее людьми. Брат ее Константин Эдуардович Паприц учился в той же Петровской сельскохозяйственной академии, что и Янович²⁹. Наконец, сопоставление заграничной жизни и развивающегося на Западе рабочего движения, несомненно бросившегося Е. Паприц в глаза в годы учения и начала самостоятельной жизни ее за границей, с той российской действительностью, которая предстала перед ней